

**Встреча
для вас**

Могу сказать: мне повезло дважды встретиться с бардом Александром Моисеевичем Городницким зимой и летом этого года. Так появился на свет этот очерк.
Владимир НОГОВИЦЫН.

Гитара тотчас же отозвалась на осторожное прикосновение рук. Аккорд, еще... Однако тот, кто ее держал, не спешил с мелодией.

— Совершенно не умею играть, — как бы оправдываясь, но безо всяких потуг набить себе цену, тем более нарваться на уговоры, — произнес мужчина, добавив еще что-то в том же духе.

«Укрыта льдом зеленая вода. Летят на юг, перекликаясь, птицы, — наконец-то раздалось хрипловато-тихое. — А я иду по деревянным городкам, где мостовые скрипят, как половицы...».

...А за окнами, кажется, вьюжило. И проглядывались силуэты зданий, большей частью — кирпичных. И зажигал огни Котлас. Но все это представлялось не главным, а второстепенно-обыденным. Был январь, был я, был Городницкий, и были его песни. И ничего, и никого больше...

Как знать, чем бы закончилось его ребяческое «стихоплетство», если бы не вуз. «Отечество нам — Горный институт», — скажет он позже, перефразировав классику.

В пятидесятых, после смерти «вождя», задышалось намного легче. Эпидемия стучающегося сменила эпидемия сочинительства. Рифмовали все поголовно. Одни уходили не дальше «тра-ля-ля, три рубля», другие занялись творчеством всерьез. Вокруг увлеклись постановками. О хлебе забывали, бывало, лишь бы зрелищ побольше. Изображали.

К одному из таких спектаклей и поручили Александру Городницкому придумать текст песни. Кажется, «Геофизический вальс». Некто из начинающих и надежды подающих «моцартов» взялся за музыку. Глянула на готовую нотную запись солистка и чуть кондрашка ее не хватила. «Помилуйте, — взвыла не своим голосом, — это же невозможно спеть!» «Как... не-воз-мож-но?», — взвыли следом заинтересованные лица. — У нас спектакль на носу, вы срываете мероприятие!» А «стрелочником» оказался не кто иной, как Городницкий. «Как хочешь, а чтобы завтра было музыкальное сопровождение», — не шутейно предупредили сразу снисшего поэта. В противном случае, грозили, вылетит из комсомола. Такой крутой поворот событий автора отнюдь не прельщал. И он грустно пошел создавать шедевр.

С того самого времени и началась его тяга к искусству. Пошло, как по маслу. Ни ученая степень (доктор наук, профессор, член-корр. Российской Академии естественных наук), ни солидные труды в области геофизики, а именно песни дали Александру Моисеевичу «имя». Хотя и порядком подпортили нервы. Кое-кто упорно считал его неперевоспитуемым авантюристом. Поэтому и дотошно выискивал во всем сочиненном крамолу. Поводы, верно, были... Ну какому, скажете, разумному человеку придет в голову мысль написать... о жене французского посла? Он написал. Увидел в Дакаре издали (близко не подойти) изящную женщину-фею и изобразил целую стихотворную историю. Да еще (непо-стижимо!) с интимным оттенком: «Мне не Тани снятся и не Гали...» Но что, скажете, может быть общего у нашего геолога с представительницей высшего света?

...До чего ж удивительны судьбы бардовских деток! Они разгуливали по всей стране, перемахивали через границы, становились фольклором.

Песню «Над Канадой», например, разные «голоса», запуская в эфир, так и представляли: эмигрантская. И даже на английский («Слышал в Голландии, жаль, на магнитофон не записал») перевод сделать умудрились.

— Я полгода плавал в океане на учебном паруснике, — вспоминает Александр Моисеевич. — Помню, пришли в Галифакс. А там снег, а там — березы... И я моло-

евым с одного стола водку пил, потому что Гена Янаев числился председателем Комитета молодежных организаций СССР.

Да, приятное общество тогда собралось. Как водится, накануне отмечали предстоящую поездку за рубеж. Один неприметный дядек, представившийся директором профтехучилища, выпорхнул из-за стола: «Я счас!» И — к телефону: «Товарищ майор, да вы там не беспокойтесь — все у нас в порядке. Ребята нормальные подобрались. Хорошие ребята!»

Хороший человек Городницкий придумал немало хороших песен. Многие из них написаны на Севере.

...Он возвращался в столицу. Ехал и не узнавал ее: на улицах танки и бэтэры, солдаты. И взъерошенные толпы. «Военное положение», «ГКЧП»... «Наши взяли власть. Наконец-то!» — радовались одни. «Хунта», —

Какой-то парень пристально уставился на него. «Александр Моисеевич, это вы? Можно я встану рядом с вами?»...

Где-то кричали «атака», где-то рядом началась суетня. Бежать? Куда бежать? Остались...

«Потешил свое тщеславие, — признался Городницкий. — Приятно было: жизнь, песни, книги, творчество — все не зря». Машет рукою: «Впрочем, это несерьезно. На самом деле эти баррикады мало что решили. И сейчас ВСЕ (он сделал ударение на этом «все») потеряно. Те, кто пришел на той волне к власти, занимаются грабежом не в меньших, а в больших масштабах... Но это уже политика».

«Я удивляюсь, когда мне тычут: вот вы, шестидесятники, начинают обвинять черт-те знает в чем! Да, написал «Атланты!» Да, Бу-

Дневниками Александр Моисеевич «не баловался». Не имел такой привычки — записывать. Зачем? А голова на что? Но однажды задумался: сколько ж страшно интересного в жизни происходило, что умолчать об этом вроде бы грех. Начал вспоминать. Получилась книга. Толстенный том. «И вблизи, и вдали» — само собой пришло на ум название. Рассказ о себе, о людях, с которыми свела однажды судьба. Смешное и грустное. И — стихи, разумеется. В том числе о Ленинграде. «Родина же! — восклицает автор. — Питер! В нем я был блокадным ребенком. И другого города, более близкого, для меня нет. Хотя он сейчас переживает не лучшие свои времена: в плачевном состоянии находится, поразрушен, позапущен. С голодным, злым и обнищавшим населением. Едва ль не черная провинция. Но по-прежнему дорог».

Об этом и его новая пластинка — «Около площади». В ней песни, которые ранее не публиковались, порою были под запретом.

А книга... Книга разошлась по друзьям и знакомым, поклонникам и единомышленникам, получила порядком отзывов и необходимых замечаний, дополнений. И — даст Бог! — выйдет вторым, существенно переработанным изданием. Котласское акционерное общество «Краснотал» взяло на себя такую миссию: помочь ее новому рождению. Дела издательские снова привели Александра Моисеевича в наш город. И опять Север нахлынул воспоминаниями.

— Когда впервые очутился на архангельском Севере? В восемьдесят втором. Участвовал в рейсе по перегонке судов из Архангельска на Амур. У меня даже стихи по этому поводу есть. Белое море осталось в памяти не только из-за белых ночей. Замечательный говор местных жителей запомнился. Язык, не исковерканный никакими нашествиями — ни татарским, ни немецким, ни — что еще хуже — газетными штампами. Настоящий, живой, русский язык! Такой речи, как в Архангельской области, такой чистой музыки народной поэзии нигде уже не осталось.

Ему — шестьдесят. Трудно поверить: бодр, подтянут, жизнерадостен, полон энергии. Но... самокритичен.

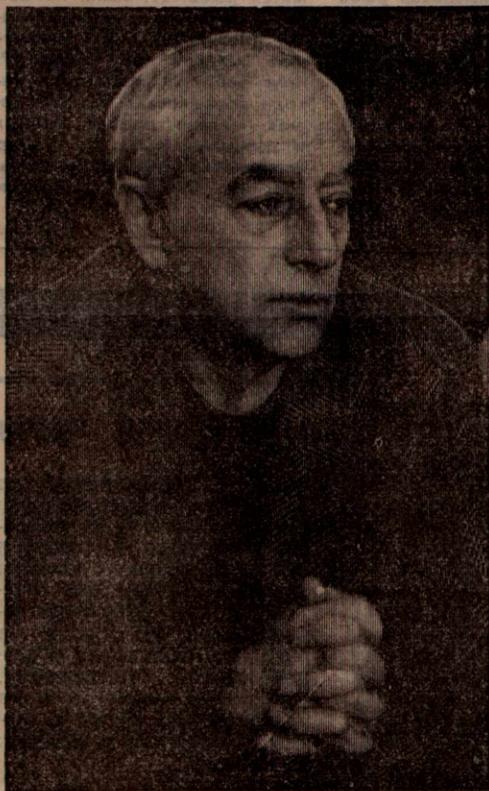
«У меня уши шерстью заросли, а я все еще председательствую на Грушинском фестивале авторской песни. Засела, понимаете, этакая группа стариков, как члены правительства. Все обо всем решает, все обо всем думает. Пора, решил, и честь зная: ушел, освободил место. А вместо Грушинки махнул на Север».

Всю жизнь мечтал заняться литературой профессионально. Но не находил в себе сил для такого шага. Сейчас не наука, а литература становится все ближе и ближе. В конечном счете, ученые титулы и звания ничего не стоят. Времени жалко. Жизненный опыт? Но он мало чего дает. Садясь за письменный стол, боишься, что может не получиться. Так же, как в первый раз...

— А песня?
— Песня остается. Хотя нынче идет много разговоров, что она никому не нужна. Я даже стихотворение написал по этому поводу. Грустное. Хотя, может, не совсем прав. Потянулся народ к авторской песне, вижу, потянулся! И это на фоне нашей безрадостной жизни. Отрадное явление. Значит, не все еще потеряно. Не все...

Александр Городницкий:

«Все начиналось с Севера»

«По распределению института очутился на Крайнем Севере, где и началось мое серьезное творчество. Считаю, не попади я туда, прекратил бы всякое сочинительство. А так... Суровая природа, мужественные люди. Семнадцать лет работы в условиях Арктики — от Кольского полуострова до Магадана, геологические дела... Только Север заставил меня писать песни на собственные стихи. Это и «Снег», и «Песня полярных летчиков» («Кожаные куртки, брошенные в угол»), и «На материк» («От злой тоски не матерись»), и «Деревянные города», и «Перелетные ангелы». Север — моя молодость».

дой, впечатлительный. «Так похоже на Россию, только все же не Россия»... Очень просто, казалось, найти нужные слова... Часто за границей просят спеть именно «Канаду». Слушают ее, заброшенные туда волей судеб русские, и плачут, плачут... Старый друг Городницкого искусствовед Владимир Иванович Фрумкин как-то вызвался помочь протолкнуть «Над Канадой» в какэ-нибудь издание. И почти всюду слышал: «Это не для печати». Логика стопроцентно непрошибаемых...

Песни Александра Моисеевича приписывали то Юрию Визбору, то неизвестным авторам из народа. Они редко публиковались, не часто допускались на радио, не слишком-то много звучали с эстрады. Впрочем...

В шестьдесят шестом проводился Всесоюзный конкурс советской песни. Первое место на нем заняли «Атланты». Которые держат небо... Награда — поездка на Олимпиаду 1968 года в Гренобль. «Я в то время плавал в Атлантике», — рассказывал Городницкий. — И повезло: вспомнили-таки обо мне. Да еще где! В ЦК ВЛКСМ! В Париже побывал, братцы! Между прочим, с Геной Яна-

сквозь зубы выдавливали другие. И тревога гадливо заползала в сердце: происходит неладное, страшное, противное. Были ли замечательство, искуг? Наверное. Но из этого состояния вывела супруга — Анна Наль.
— Я убегаю, слышишь?
— Куда?
— В парикмахерскую.
— Куда-куда? Да ты что, с ума сошла! В стране фашистский переворот!
— Ну и что? Умру красивой...

Нет, оставаться дома, в четырех стенах. Александр Моисеевич уже не мог. Туда, к Белому Дому, к баррикадам. Немедленно! Почему? «Боялся быть одним». Когда пришел — успокоился.

Строили заграждения, жгли костры, пели песни. В том числе и его. И тогда ему стало стыдно: «А ведь мог не прийти, отсидеться, пропустить важное». Знал, если пойдут в наступление танки, не сойдет с места: разве двинешься с радикулитом, который (сказалась сырость) начал опять донимать. Но он не обращал на него внимания: передавал камни, стоя в цепочке. Скрытый, заляпанный грязью, усталый, злой...

лат Окуджава славил «комиссаров в пыльных шлемах». Плохо? Но мы верили! Я искренне верил в Советскую власть. Верил в братство народов. А сейчас плачу: вся жизнь моя порушилась с разрушением страны. Я не стыжусь это говорить. Стыднее — братоубийственная война, кровавая резня. Вот чего нужно бояться больше всего...».

«Опасайся данайцев, дары приносящих, По подсказке прозрачной властей придерживающих, Не бери перевязанный лентами ящик, Не разменивай душу свою на пятак».

На большой концерт, в честь «победы демократии над путчистами» его не пригласили. «Рок на баррикадах, рок на баррикадах, рок на баррикадах!» — гремело у Белого Дома. На самом же деле на баррикадах, на настоящих баррикадах, роком не пахло. Там предпочитали другие песни...

«Мне говорят: «Зачем вы ходили их защищать?» Поймите: мы защищали не их. Мы защищали самих себя, свою свободу, свое понятие достоинства»...